

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ**

Основой развития международного права после Второй мировой войны было создание широкой сети международных механизмов по защите прав человека. Однако степень реализации этих международных законов как внутри отдельных государств, так и во внешней политике большинства стран не соответствует тем обязательствам, которые приняли на себя эти страны. Более того, абсолютное большинство стран мирового сообщества своей политикой фактически всегда ставили и ставят под сомнение гипотезу универсальной доктрины прав человека о необходимости немедленной реализации в каждом отдельном государстве всех международных стандартов по защите прав и свобод.

Универсальность прав человека лежит в основе международного права, и, следовательно, при анализе доктрины прав человека можно логически предположить, что если права человека действительно существуют, то тогда существование человеческого сообщества, или, другими словами, некоего сообщества всех людей земли, должно основываться на общей морали, и эта предпосылка должна быть принята как главное основание для существования прав и свобод.

Очевидно, что действительность не дает серьезных поводов для подобного умозаключения. Создание такого сообщества может и должно рассматриваться сейчас только как логическая цель универсальной концепции прав человека, а не как изначально присутствующая ей основа. Учреждение широкой сети международных соглашений по правам человека, договоров, пактов и конвенций, включение универсальных норм по правам человека в национальные конституции государств может рассматриваться лишь как промежуточный этап в создании такого морального сообщества.

Официальная доктрина, лежащая в основе международного законодательства по правам человека, является в принципе универсальной¹. Эта доктрина не предполагает, что существуют различные правила для различных государств и регионов. Один из ведущих теоретиков

* Меркушев Виталий Николаевич — младший научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН.

¹ [Венская декларация и Программа действий, 25 июня 1993 г. // Действующее международное право: В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. М., 1999. Т.2. С.94–104.](#)

международных отношений XX в. профессор Центра европейских исследований Гарвардского университета Стэнли Хоффман так описывает эту предпосылку: «Если я как государственный деятель подписываю международный договор, в котором признаются юридические обязательства уважать права человека, то это означает, что я признаю не только внутреннюю правовую ответственность, но в равной степени и «космополитические» или наднациональные обязательства»¹.

Интерпретация этих правил неодинакова в различных культурах, это касается как места прав человека в социально-политической системе того или иного общества, так и иерархии различных групп прав.

С точки зрения юристов — сторонников позитивистской концепции прав человека противоречие между обычаями и традициями различных культур будет уменьшаться вместе с развитием международного права, которое является двигателем и соответствующего реформирования национального права некоторых «отстающих» в этой сфере государств. В настоящее время в реальности можно говорить только о ранней стадии развития международных механизмов по защите и реализации прав².

В этом отношении современные договоры по правам человека могут рассматриваться лишь как политический инструмент давления или всего лишь как «мягкое или промежуточное право», которое, однако, в будущем должно превратиться в общепринятое международное законодательство.

Разумеется, тенденция развития международных законов по правам человека подтверждает тезис о некотором сглаживании культурных противоречий, так, например, принципы расовой дискриминации и самоопределения народов, отклонявшиеся в прошлом как политические лозунги, теперь стали частью общепринятого международного и часто даже национального права³.

Однако необходимо также отметить, что международные механизмы по защите прав человека, даже если не принимать во

¹ *Hoffman St. Janus and Minerva. Essays in Theory and Practice of International Politics.* London: Westview Press, 1987. P.371.

² *Vincent R.J. Order in International Politics / Ed R.J. Vincent and J.D.B. Miller. Order and Violence.* Hedley Bull and International Relations / Oxford: Clarendon Press, 1990. P.57.

³ [Принцип самоопределения народов не был включен во Всеобщую Декларацию Прав Человека 1948 г., но он уже присутствует в преамбуле Пактов по правам человека, принятых ООН в 1966 г.](#)

внимание их интерпретации в рамках национальных законодательств, во многом неэффективны. Это происходит из-за слишком общих, а в некоторых случаях даже неясных формулировок положений международных норм по правам человека. В этой связи государства часто предлагают собственные интерпретации законов, которые по международному законодательству должны были бы иметь одинаковое толкование.

Наиболее известный пример трудностей в интерпретации положений международного законодательства по правам человека — это трактовка права наций на самоопределение. Политики и юристы-международники до сих пор не пришли к консенсусу в этом вопросе. Главный вопрос остается на повестке дня: подразумевается ли этим правом создание суверенного государства?

Можно предположить, что некоторые слабо разработанные положения международного права в сфере прав человека будут должным образом разработаны в будущем, или же появление большего числа прецедентов по тому или иному спорному вопросу будет способствовать единому толкованию прав.

Действительно, тысячи случаев, рассмотренных, например, в Европейском Суде и ранее, до ноября 1998 г., в Европейской Комиссии по правам человека за многолетнюю историю деятельности этих организаций, созданных в соответствии с Европейской Конвенцией по защите прав человека и основных свобод¹, позволили на основе некоторых судебных прецедентов достигнуть определенного консенсуса в толковании тех или иных прав. Однако необходимо помнить, что Европейская Конвенция подписана государствами, во многом имеющими общие или сходные культурные традиции и политическую систему, основанную на общих демократических принципах, и поэтому этот европейский опыт не всегда может быть перенесен на другие страны и регионы.

Более того, даже в достаточной степени интегрированных регионах и группах соседних стран, имеющих общую историю, культуру и сходные политические системы, возможны проявления культурных противоречий. Так, например, Европейская Комиссия и Европейский Суд по правам человека, исходя из культурных особенностей стран-участников Европейской Конвенции, были вынуждены разработать доктрину «margin of appreciation» (предел усмотрения),

¹ [Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод. 4 ноября 1950 г. // Действующее международное право. М., 1998. Т.2. С.108.](#)

которая позволила учитывать в принятии решений культурные отличия того или иного государства. Так, Европейский Суд не обязывал Ирландию снять запрет на разводы и лишь в 80-е гг. прошлого столетия (после дела Норрис против Ирландии) обязал отменить чрезмерно серьезное наказание за добровольное вступление в гомосексуальные связи¹. Схожая ситуация сложилась с середины 90-х гг. прошлого века в отношении другого форпоста католицизма в Европе — Польши, единственной сейчас европейской страны, где запрещены аборты.

Несмотря на развитие международного и внутреннего законодательства по правам человека, культурные особенности остаются первичным и более важным препятствием на пути реализации универсальных прав человека. Культурные различия в трактовке прав человека оказывают серьезное влияние и на политические процессы, происходящие в странах и в мире в целом.

Одна из попыток разрешить противоречия между универсальностью норм международного права по правам человека и культурными различиями была предпринята сторонниками так называемой доктрины основных прав человека. В соответствии с этой доктриной, несмотря на различные теории и интерпретации, во всем перечне прав человека необходимо выделить особую группу прав, которые должны быть общими для всех культур.

В рамках концепции основных прав наиболее сложной проблемой является необходимость классификации прав: какие права и свободы могут рассматриваться как первостепенные? Список ключевых политических и гражданских прав может быть сведен либо вообще к одному праву на жизнь (как это предлагал Томас Гоббс²), либо как это понимал Джон Локк, к правам на жизнь, свободу и частную собственность. В интерпретации, например, некоторых современных американских либералов этот список может быть сведен к следующим основным правам: таким как право на жизнь, право на безопасность и право быть свободным. В этом смысле именно эти широко пони-

¹ Только в 90-е гг. Ирландия приняла законодательство, разрешающее в исключительных случаях расторжение брака и либеральный закон в отношении гомосексуалистов, однако эти акты по-прежнему носят более рестриктивный характер, чем в большинстве других европейских стран.

² Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения. М., 1965.

Удалено:

маемые права могут являться основой для удовлетворения всех других прав и свобод¹.

С нашей точки зрения концепция прав человека как основных прав исходит во многом из естественно-правовой традиции, подчеркивая главным образом биологические основы человеческой морали. Наиболее спорным среди вышеупомянутых ключевых прав является право на свободу. На фоне различия культур противоречивые трактовки содержания этого права едва ли могут рассматриваться как основа для консенсуса. Попытки представить это право как право на защиту от рабства и расовой дискриминации (что в настоящее время не оспаривается ни одним государством) не увенчались успехом, поскольку очевидно, что это не исчерпывает всего содержания права на свободу. Право на жизнь и право на безопасность могут быть представлены как права против использования пыток и нечеловеческого и унижающего достоинство обращения и как защита от умышленных убийств. В этом случае предположение, что противоречие между универсальностью прав человека и культурными различиями может быть разрешено, кажется более очевидным.

Подход к правам человека как к сущностным и неотъемлемым правам может быть основан на гипотезе, в соответствии с которой люди едины в своем противостоянии человеческому страданию, и это выше любых разногласий во времени и пространстве. Эта концепция может основываться и на следующем индуктивном обобщении: во всем множестве философских учений, идеологий и ценностных ориентаций различных культур существует нечто универсальное.

Попытки найти общее в различном на основе «сущностных» прав часто не соотносятся с проблемой непрерывности исторического процесса. Например, в мире существуют культуры, которые не гарантируют право на жизнь даже в минимальном понимании этого термина (например, такого права не было в племенах каннибалов). Анализ африканской истории приводит к выводу, что многое в тысячелетней истории Черной Африки говорит против того, что мир включен в систему норм и ценностей традиционного африканского сообщества. «Хроника исторических событий свидетельствует, что разрешение конфликтов, используя насилие, вос-

¹ Gerwirth A. Human Rights Essay on Justification and Application. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. P.7.

принималось всеми слоями общества в Африке как должное»¹. В определенной мере это относится и к культуре исламского мира, неоднородность которого (примером являются серьезные отличия и даже противоречия ваххабизма и традиционного, и тем более «светского» ислама) не позволяет говорить об этой особенности как о некоем системообразующем факторе развития этой культуры.

Несколько упрощая анализ этих факторов, можно сказать, что главным для этих культур является, в отличие от западной либеральной концепции прав человека, выживание племени, этнической группы или нации, а не отдельного индивида. Уникальность, индивидуальность и различие людей как модель поведения в западной культуре противостоят коллективности, чувству принадлежности к социальной группе и, соответственно, одинаковому обязательному исполнению групповых обязанностей. Ценности и традиции независимости, конкуренции, равенства полов², и как основа этого — политические и индивидуальные права человека, провозглашаемые Западом, находятся в противоречии с обычаями других культур, такими как взаимозависимость в группе, обязательное сотрудничество и ответственность перед коллективом или этносом.

В этом контексте на различие в интерпретации прав человека, например, западных и восточных культур влияют и кардинально разные интерпретации социального времени и ценности жизни индивида. Хо Ши Мин, говоря о войне во Вьетнаме, предупреждал американцев о том, что двадцать лет для азиатской культуры это лишь взмах крыла бабочки, а для американцев — жизнь целого поколения. Смерть камикадзе³ и практически массовая гибель современных арабских шахидов³ также может поставить под сомнение и ревалентность для некоторых культур такого основного права, как право на жизнь.

¹ *Bozeman A. International Order in a Multicultural World // The Expansion of International Society / Ed. by Hedley Bull and Adam Watson. Oxford: Clarendon Press, 1992. P.389.*

² Необходимо отметить, что это право относительно новое и для западной культуры, так, женщины получили равные гражданские и политические права с мужчинами, например право на участие в выборах, только в XX в.

³ По данным телекомпании CNN (30 мая 2002), только за последние три года в Израиле было совершено более 600 атак террористов-самоубийц, в которых участвовало около 1000 террористов-камикадзе.

На фоне современных ужасов террористических атак самоубийц, становящихся героями в своих обществах, с новой силой разгорелся и давний спор антропологов, который имеет с нашей точки зрения важный теоретический и политический смысл. В современной антропологии все чаще ставится под сомнение культурологическая основа каннибализма. Этот подход к анализу первобытных обществ показывает, что каннибализм как таковой был лишь символическим ритуалом, и в том виде, как он был описан историками и антропологами, не существовал. И в этом контексте мы можем говорить, что право на жизнь существовало даже у так называемых каннибалов.

Очевидно, что на современном этапе различные общества находятся на разных стадиях развития, и даже всеобщий процесс модернизации не смог преодолеть этого многообразия. Для многих культур и цивилизаций неодинаковость в развитии была даже усугублена модернизацией: попытки сохранить уникальные ценности и традиционные социальные связи в ответ на разрушительное действие модернизации и, соответственно, массовизации общества, привели к еще большему обособлению некоторых культур.

В рамках общей доктрины прав человека как основных прав существует и ряд других часто взаимно противоречивых подходов. Концепция верховенства политических и гражданских прав как основных над экономическими и социальными была особенно популярна в США во времена «холодной войны». В этом контексте именно политические и гражданские права являются подлинно международными, и только они могут быть основой международного права по правам человека.

По мнению сторонников другой интерпретации концепции прав человека как основных прав, которая стала особенно популярна в 60-е гг. прошлого столетия в освободившихся от колониальной зависимости странах Азии и Африки, основными правами для развивающегося мира являются социальные и экономические права, понимаемые в этом случае как коллективные (здесь, прежде всего, имеются в виду права народа или нации, так даже принятая в 1981 г. Организацией Африканского Единства хартия называется Хартией Прав Человека и Народов.)

Экономические и социальные права не только относятся ко второму поколению прав человека, но и являются вторичными по отношению к правам политическим и гражданским (первому поколению прав человека). Свободы и права отдельного человека в

данном случае могут быть объектом для нарушений даже при определенных гарантиях социальных и коллективных прав.

Гражданские и политические права часто рассматриваются как универсальные в более широком смысле¹ по отношению к другим группам прав. Некоторые сторонники этой концепции (как, например, Морис Крэнстон) предлагают признавать только политические и гражданские права индивидов как реальные права человека. Они наиболее важны как для внутренней общественно-политической системы, так и для международного порядка. «Очевидно, что право на жизнь имеет верховенство над правом на оплачиваемый отпуск»².

В 50–80-е гг. прошлого столетия концепция основных прав была широко поддержана диссидентским движением в бывших социалистических странах. Диссиденты подчеркивали важность защиты именно гражданских и политических прав, они также полагали, что политические режимы социалистических стран являются серьезными нарушителями права человека, несмотря на гарантии социальных прав. Главным лозунгом большинства в принципе различных по идеологии диссидентских групп в СССР была защита политических прав граждан, и практически никогда не ставился вопрос, например, о смене социальных и даже экономических основ существования режима, более того, лозунг ряда диссидентских групп «больше социализма» означал больше прав человека.

Эта концепция стала вновь популярной и в конце 80-х гг. прошлого столетия, когда процесс демократизации бывших авторитарных и тоталитарных государств потребовал большего внимания к проблемам защиты политических и гражданских прав со стороны международного общественного мнения.

Дискуссия конца 80-х – начала 90-х гг. была посвящена возможности развития бывших республик Советского Союза по так называемому китайскому пути, когда политические и гражданские права приносятся в жертву экономической целесообразности и главными признаются экономические и социальные права. Китай-

¹ [Карташкин В.А. Международное сотрудничество государств в области прав человека и стратегия устойчивого развития // Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000.](#)

² Human Rights Reader / Ed. by Barry Rubin. Ottawa: Meridian, 1978. P.17.

ский путь рассматривался в этом контексте как альтернатива горбачевской перестройке, где приоритетом все-таки были политические реформы, в том числе связанные и с необходимостью преимущественного обеспечения некоторых ключевых политических и гражданских прав.

Противостояние горбачевского и китайского путей реформ особенно остро проявилось в мае 1989 г., когда непосредственно после визита М.С. Горбачева в Китай и его выступления «о правовых принципах перестройки» на Великой китайской стене сотни тысяч китайских студентов устроили многодневную демонстрацию, где главным требованием была именно реализация политических прав. Известно, что это выступление было подавлено с помощью танков и около 5 тысяч студентов погибло. Несмотря на одиозные примеры массового подавления элементарных политических и гражданских прав в Китае, дискуссия вокруг китайского пути уже для современной России продолжается с разной степенью интенсивности и сейчас. Более того, вариант приоритета реализации социальных и экономических прав является, по сути, частью программы крупнейшей партии Российской Федерации и главной сейчас оппозиционной силы в стране — КПРФ.

Исходя из сказанного выше, попытка составить список основных прав человека, чтобы удовлетворить каждого, только может собрать различное вместе, даже одно и то же право может быть понимаемо по-разному как из-за разных национальных интерпретаций международного права (которое также неясно определяет некоторые нормы), так и из-за культурно-исторических особенностей стран.

Однако концепция основных прав человека должным образом улавливает тенденции международного сотрудничества по созданию консенсуса, который должен способствовать сглаживанию противоречий в сфере прав человека как в мировой, так и во внутренней политике стран. Эта доктрина может содействовать и реформе международного права с целью его активизации и реальной имплементации в национальные законодательства и внутривнутриполитическую практику стран. Только тогда право по правам человека может стать реальным, а не «мягким».

Другой комплексный анализ проблемы прав человека в культурной перспективе был предпринят в рамках английской школы политической науки представителями концепции международного сообщества или сообщества государств. Основоположники этой концепции британские профессора политологии Джин Винсент и

Хедли Балл полагаали, что «права человека в международном праве и права в контексте культурных различий могут совпадать на уровне анализа такого понятия, как «международное сообщество»¹. Концепция международного сообщества отличается как от проекта морального человечества, так и от концепции создания системы государств. «Международным сообществом мы называем группу государств или в более широком смысле группу независимых политических сообществ, которые не просто формируют систему, в которой действия каждой стороны неизбежно влияют на принятие решений и поступки других, а устанавливают принципы диалога и соглашаются на общие правила, создавая международные институты для контроля за взаимоотношениями сторон. Участники международного сообщества признают также общие интересы в развитии и поддержке этих институтов»².

Исходя из концепции международного сообщества, для того чтобы решить проблему прав человека в культурной перспективе, необходимо прежде всего ответить на следующие вопросы: какие препятствия стоят на пути реализации государствами универсальных прав человека, и кто и почему являются главными защитниками концепции коренного различия культур? Существуют ли реальные пути для преодоления этих препятствий?

С точки зрения Винсента и Балла, проблема прав человека в культурной перспективе может быть решена внутри конкретной страны. Другими словами, граждане могут реализовывать свои права и свободы, только участвуя в жизни реального сообщества, а не с помощью некой абстрактной принадлежности ко всему человеческому обществу. Необходимо говорить не просто о правах человека, под которыми часто понимается разное, а о правах русских, французских, американцев, или, проще говоря, жителей конкретной страны. Раз не существует реальной основы, в соответствии с которой можно было бы предпочесть одну концепцию прав человека другой, то права человека могут гарантироваться только отдельным государством. Подобный подход не нов, более того, такие доктрины периодически возникали в процессе развития политической науки (подобные взгляды высказывали и Томас Гоббс, и Джон Стюарт Милль — европейские «континентальные» либе-

¹ [*Vincent R.J. Human Rights and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P.47.*](#)

² [In Introduction to «The Expansion of International Society». P.1.](#)

ралы XIX в.). Этот подход был важной составляющей такой теории, как политический реализм.

Однако Винсент и Балл правы, когда называют этот подход поражением универсализма по отношению к партикуляризму¹. Этот подход во многом является попыткой преуменьшить значение норм современного международного права в пользу того или иного государства и решить противоречие между культурами в сфере прав человека, просто уничтожив одну из сторон, а именно универсальные права. Попытка увязать права человека только с гражданством или даже с участием в определенном сообществе часто рассматривалась как теоретически противоречивая (права человека по определению универсальны), а также не соответствующая современным реалиям мировой политики.

В настоящее время увеличивается число беженцев, перемещенных лиц, людей, вынужденных в силу разных причин мигрировать за пределы своих государств. В некоторых регионах мир стоит перед лицом нового «вавилонского столпотворения». Однако это не должно означать, что миллионы людей, не имеющих никакого гражданства или даже возможности постоянно проживать в той или иной стране, теряют всякую возможность для удовлетворения своих прав.

В контексте вышесказанного необходимо иметь в виду и то, что в политической мысли существуют теории, предлагающие способы примирения концепции гражданства как основы для реализации прав человека с растущим числом лиц без гражданства, беженцев и перемещенных лиц. После Второй мировой войны первой, кто начал говорить о необходимости нового понимания гражданства или о новом прототипе общественного договора в применении к защите человеческого достоинства, стала Ханна Арендт. Анализируя опыт Холокоста, насильственного поражения в правах и перемещения без их воли миллионов людей, Арендт приходит к выводу, что принцип национального суверенитета и основанное на нем гражданство не могут обеспечить прав человека². Опыт войны показал, что основанная на незыблемости государственного суверенитета борьба за национальные интересы приводит в конечном итоге к нарушениям прав не только наций без собственного госу-

¹ [Vincent R.J. Human Rights and International Relations. P.48.](#)

² [Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y.: Harcourt, 1973.](#)

дарства и гражданства, но даже и тех, кто имеет гражданство титульной нации.

Логической основой нового понимания гражданства является анализ источников возникновения прав человека. Развивая идеи своего учителя Карла Ясперса¹, Арндт не считает, что права человека естественны или рационально-универсальны, она утверждает, что права человека — это некие хрупкие межчеловеческие соглашения, вытекающие из самого факта совместного проживания людей. С ее точки зрения, люди через общие чувства, совместный анализ и усилия по взаимной коммуникации в конечном счете и порождают права человека и впоследствии борются, часто проявляя героизм, за их реализацию.

Арндт полагает, что права человека могут быть реализованы только в политике посредством гражданских инициатив тех, чьи права нарушались, и тех, кто с ними солидарен, эта деятельность может осуществляться в так называемых ограниченных сообществах в форме реализации национальных, этнических, государственных и региональных идентичностей. Локальные, региональные и глобальные формы гражданства являются в равной степени возможными и необходимыми².

Арндт не призывает к постепенному отказу от государственного суверенитета и к созданию мирового правительства, как это предлагал Кант (идея мирового правительства была предложена Иммануилом Кантом в его работе «К Вечному миру»³). Однако Арндт отмечает, что без воли государств на добровольное ограничение своей власти и суверенитета с помощью демократической конституции и через участие в мировой федерации стран эффективная гражданская деятельность по защите прав человека всегда будет носить ограниченный характер. Идеи Ханны Арндт повлияли на теоретиков федерализма — теории, оказавшей и оказывающей сильное воздействие как на процесс общеевропейской интеграции, так и на развитие в Европе самых совершенных на сегодняшний день международных механизмов защиты прав человека. Так, вдохновленный

¹ [Ясперс К. «Духовная ситуация времени» в смысле и назначении истории. М., 1991. С.403.](#)

² [Issac J. A New Guarantee on Earth: Hannah Arendt on Human Dignity and the Politics of Human Rights // American Political Science Review. Vol.90. Numb.1. March 1996. P.71.](#)

³ [Кант И. К Вечному миру: Трактаты о Вечном мире. М., 1963.](#)

идеями федерализма Жан Монне¹, бывший одним из инициаторов европейской интеграции, говорил о целях объединения Европы: «Nous ne coalisons par des Etats — Nous unissons des homes»².

Успешные процессы углубления и расширения европейской интеграции и некоторое улучшение в сфере межрасовых отношений в США наталкиваются, однако, на обратные процессы. Эти процессы, степень интенсивности которых иногда гипертрофированно преувеличивается правыми представителями политического спектра, влияют на уменьшение степени защищенности основных прав граждан титульной нации и, прежде всего, в гарантировании государством и обществом права на безопасность.

Слабо контролируемая миграция, которая в демократическом государстве и не может быть полностью под контролем даже в силу самой традиционной трактовки такого права человека, как права на свободу передвижения и минимальных гарантий права на безопасность иммигрантов и их семей, — это в контексте культурных противоречий делает гражданство в любом смысле все более малозначимым фактором обеспечения защиты прав человека.

С другой стороны, проблема прав человека в контексте культурных различий все чаще переходит из проблемы международной в проблему внутреннюю. Сейчас уже очевидно, что в мире практически не осталось мононациональных или даже монокультурных стран. Так, подобная тенденция заметна даже в Западной Европе, в регионе, где на протяжении более ста лет, начиная с XIX в., преобладали мононациональные государства и, с другой стороны, сформировалась некая культурная гомогенность. В Европейском Союзе в течение ближайших десяти лет в большинстве стран, по данным Евростата, более 10% жителей будут представителями иммигрантских меньшинств, родившимися за пределами Европы. Эта группа жителей Европы вместе с представителями второго и третьего поколений мигрантов в некоторых странах (например, Бельгии и Германии) составит более 15% населения, через 15 лет эта группа иммигрантов-резидентов ряда стран Евросоюза достигнет 20% (страны, где более 20% жителей принадлежат к нетитульной нации, традиционно относятся по классификации ООН к многонациональным). К этому можно добавить и

¹ Жан Монне был автором плана европейской интеграции и первым руководителем Европейского Угольно-Сталелитейного сообщества.

² «Мы не создаем коалицию государств, мы объединяем людей» (пер. с франц.).

постоянно увеличивающийся процент нелегальных иммигрантов, живущих в странах Европы.

Де-факто большинство представителей этой группы являются носителями другой культуры, главным образом исламской. Их отношение к правам человека является отличным от европейского, и их усиливающееся политическое влияние может существенным образом повлиять на принятие политических решений в этой сфере. Так, ведь именно лоббистское давление неправительственных организаций, занимающихся защитой прав иммигрантов, было главным фактором в предоставлении европейского гражданства, на том этапе выраженное в праве голосовать на местных выборах.

Иммигрантские сообщества становятся все более влиятельными не только в Европе. В марте 2002 г. известным американским политиком и обозревателем Патриком Бьюкененом была издана книга с шокирующим для американской культуры «плавильного котла» названием: «Смерть Запада: иммиграция, депопуляция и умирающая вера убивают нашу культуру и страну». В этой книге был дан прогноз, что к 2012 г. большинство американцев будут представителями неевропейской расы и 15% из них будут иммигрантами в первом поколении (сейчас эта цифра составляет 9%, а в 1995 она составляла лишь 6%). Бьюкенен говорит в своей книге и о том, что такое изменение в составе населения неизбежно поставит под сомнение традиционные американские завоевания в сфере прав человека и вынудит правительство США в целях обеспечения безопасности своих граждан пойти на невиданные ограничения прав и свобод и проводить крайне рестриктивную миграционную политику. Вероятно, именно из-за подобного апокалиптического прогноза (а не приведенной в общем-то не новой статистики) эта книга стала у «подготовленной» американской аудитории бестселлером и в течение двух недель была самым покупаемым изданием в США.

Прогноз Бьюкенена, однако, не позволяет сделать вывод о том, что меры, направленные на эксклюзивную защиту граждан своей страны, будут эффективны. Эта политика в США, например, в процессе глобализации все больше будет напоминать политику развертывания Национальной системы противоракетной обороны, когда иллюзия принадлежности к «избранному гражданству», которое вроде бы должно гарантировать безопасность, на деле оборачивается своей противоположностью, и, к сожалению, события в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. доказали эту гипотезу.

Возможное решение противоречия между универсальными правами человека, нормами международного права и куль-

турными различиями может быть найдено также в рамках так называемого глобального подхода. Согласно этой концепции универсальные¹, или глобальные, права человека относятся к единой космополитической культуре, которая присутствует в культурах всех регионов и постепенно способствует преодолению культурных противоречий. С модернизацией и созданием глобальной экономики действительно можно говорить о создании некой общей культуры. В этом отношении права человека выступают как часть всеобщего мирового социального процесса, институциональным выражением которого является международное право. И если международное право рассматривать как некий межкультурный феномен, то оно будет являться доказательством существования универсальных стандартов по правам человека.

Развитие космополитической культуры может происходить не только из-за подъема глобальной экономики, но также и из-за общей эволюции культуры, или культурной конвергенции, в центре которой достоинство человеческой личности.

В этом смысле философия прав человека может быть представлена как «естественный ответ на изменяющиеся условия, как логическое и необходимое развитие средств, нужных для понимания и реализации человеческого достоинства»².

Экономическая интерпретация универсальности прав человека, однако, не принимает во внимание тот факт, что процессы модернизации и развития стандартов по правам человека в теории, так же как и в международном, и национальном законодательствах, не всегда совпадают по времени и относятся к разным историческим периодам.

¹ Часто понятие «всеобщность прав человека» применяется вместо понятия «универсальные права человека». В применении к описанию прав человека в данном контексте, с нашей точки зрения, термин универсальность более конкретен, чем термин всеобщность. Категория всеобщность больше подходит к описанию распространения идеи прав человека в историческом аспекте. См. напр.: [Права человека: История, теория и практика / Отв. ред. Б.Л. Назаров. М.: Русслит, 1995. С.249.](#)

² [Donnelly J. Human Rights and Human Dignity: An Analytical Critique of Non-Western Concepts of Human Rights // American Political Science Review. Vol.76 \(1982\). P.312.](#) Цит. по: [Vincent R. Human Rights In International Relations. P.50.](#)

С другой стороны, необходимо заметить, что процесс модернизации явился одним из главных факторов раздела мировых культур на два основных типа: центральную и периферийную. Последняя в свою очередь связана с развитием так называемых дуалистических экономик развивающихся стран, когда индустриальные и даже постиндустриальные секторы сосуществуют с традиционными, доиндустриальными. Кроме того, модернизация воздействует на страны неодинаково. Подразумевается и то, что с процессом модернизации может быть связано больше, чем одна всеобщая культура. В этом случае представляется невозможным аргументировать универсальность прав человека с помощью концепции модернизации.

Аргументация, подчеркивающая то, что международное право есть некое отражение межкультурных процессов, критиковалась как американской, так и британской школами политической науки. То, что называется международным правом по правам человека, при первом рассмотрении кажется нейтральным термином, фактически же это право создавалось как механизм расширения и углубления легитимности западной концепции прав человека. В этом случае имплементация западного подхода к правам человека часто интерпретируется как культурный империализм.

С другой стороны, анализ прав человека в контексте развития межкультурных процессов показывает, что культурные различия становятся противоречиями, только если мы говорим об индивидуальных правах. Так, Винсент, продолжая тему известной книги «Экспансия мирового сообщества», соглашается с редакторами и одними из авторов этого сборника Баллом и Уотсоном¹, что экспансия европейской международной общности государств происходит после долгих лет борьбы бывших колоний с политическим, экономическим и культурным доминированием Запада, и, следовательно, процесс модернизации традиционных обществ как таковой, понимаемый как вестернизация неевропейских культур, не может представить полной картины противоречий между универсальностью прав человека и уникальностью культур. Необходимо в этом смысле говорить не только о модернизации, но и об «индивидуализации» традиционных культур посредством общей идеологии и концепции прав и свобод.

Процесс вестернизации мировых культур был подробно описан в известном сборнике «Экспансия международного сообщест-

¹ [In Introduction to The Expansion of International Society.](#)

ва»¹, книга стала научным бестселлером и многократно переиздавалась. В этой книге, большинство авторов которой англичане (то есть граждане бывшей крупнейшей метрополии мира, пытающейся строить новые отношения с бывшими колониями), приходят к выводу, что современная степень вестернизации культур не позволяет говорить о том, что универсальные стандарты прав человека, закрепленные в международном праве, были или в ближайшее время будут реализованы на практике в большинстве стран мира. В этой сфере культурные противоречия играют ключевую роль. Скептический анализ универсальной концепции прав, однако, не привел к теоретическому тупику. Аналитики и ученые по обе стороны Атлантики предприняли попытку решения этой проблемы, разработав концепции культурного релятивизма.

Культурный релятивизм предлагает общую основу для согласования противоречий между различными группами прав, таких как индивидуальные и коллективные, политические и экономические, гражданские и социальные, и, что более важно, между множеством культурных противоречий и универсальными нормами прав человека.

В концепции культурного релятивизма утверждается, что стандарты прав человека в международном праве, так же как и мораль, различны в разных регионах мира, и права человека должны рассматриваться в конкретном культурном контексте.

Очевидно, что концепция культурного релятивизма может рассматриваться и как ответ на явное противоречие между нормами международного права и политической практикой государств.

Серьезные нарушения прав человека происходили в государствах, или они нарушались государствами-участниками основных пактов, конвенций и протоколов по правам человека. Однако, несмотря на это, права человека уже в течение столетий являются существенной частью правовой и политической теории. Культурный релятивизм лишь как простое отрицание нормативной части международного права и общей политической теории, связанной с правами человека, в силу известной инертности научных парадигм, да и из-за своего несоответствия социально-политическому заказу, едва ли получил бы широкое распространение в науке и реальной политике. Больше распространение получили модифицированные, более умеренные формы этой концепции.

¹ [The Expansion of International Society](#) / Ed. by H. Bull and A. Watson, eds.

Одной из модификаций этой теории (призванной прежде всего решить противоречие между универсализмом прав человека и плюрализмом культур) является концепция умеренного релятивизма. Умеренный релятивизм — это концепция, в которой права человека признаются в принципе универсальными. Они подчинены только вторичным культурным модификациям. Умеренный релятивизм отличается не только от универсализма или радикального универсализма, но и от релятивизма и радикального релятивизма.

По мнению известного исследователя проблем прав человека в международной политике, профессора университета в Денвере, США, Джека Данелли, традиционная культурно-релятивистская концепция 60-х гг. прошлого века может рассматриваться сейчас как чрезмерно крайняя точка зрения и может быть названа радикальным релятивизмом¹. Очевидно, что в современном мире концепция, настаивающая на том, что культура есть источник всех ценностей, является слишком радикальной, и в этом смысле действенность международных механизмов по защите прав человека не должна ставиться под сомнение.

Культурные различия реальны и часто являются основой конфликтов. Тем не менее в контексте анализа этих различий необходимо говорить не о слабости международного права по правам человека, а об изменениях в реальной политике в сфере реализации стандартов по правам человека и реальной имплементации странами этих международно-правовых норм.

¹ [Donnelly J. International Human Rights. P.36.](#)